

УДК 101.1: 316 (470 + 571)

И.В. Демин

Н.М. ЯДРИНЦЕВ И Г.Н. ПОТАНИН: ДИАЛОГ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА В СИБИРСКОМ ОБЛАСТНИЧЕСТВЕ

Анализируются либеральные и консервативные компоненты социально-философских взглядов лидеров сибирского областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Анализ осуществляется на основе методологического инструментария диалоговедения М.М. Бахтина. Демонстрируются ядринцевский либеральный европоцентризм и потанинский евразийский регионализм в философии истории. Особое внимание уделено рассмотрению воззрений областников на взаимоотношения в диаде «личность – общество».

Ключевые слова: сибирское областничество, диалог, либерализм, консерватизм, евразийский регионализм.

За последние годы отчетливо обозначился интерес российских философов и культурологов к идейно-теоретическому багажу сибирских областников. Так, традиционный исторический дискурс областничества постепенно дополняется более широким культурфилософским с тщательной разработкой таких проблем, как областническая концепция культуры, диалектика глобального и локального через призму национально-региональной идентичности, связь областничества с народничеством, декабризмом и евразийством и др. Относительно темы настоящей статьи особое значение имеют работы, в которых феномен сибирского областничества изучается в свете оппозиции «западничество – самобытничество»¹, поскольку косвенно эта оппозиция выводит нас на проблему соотношения либерального и консервативного этосов в структуре сибирского патриотизма. Разбор областнической проблематики в контексте диалога либерализма и консерватизма крайне важен с точки зрения заполнения пробела в исследовании общественно-политических воззрений областников, чаще всего поверхностно идентифицирующихся в литературе как симбиоз народничества и буржуазного либерализма.

Как известно, советский философ М.М. Бахтин, разработавший концепцию диалоговедения, считал диалогическую сферу бытия конститутивным признаком мыслящего человеческого сознания. Подлинная сложность жизни онтологически является как диалог – внутренний (микродиалог) и внешний, формируя бытийную «многоголосость» [1. С. 296]. В этой полифонии «Я» и «Другого» их голоса, накладываясь друг на друга, взаимодополняются, отражая тем самым реальные противоречия бытия и сознания. При этом, как отмечает Бахтин, всегда наличествует пересечение открытого (внешнего)

¹ См., например: *Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества* / отв. ред. А. В. Малинов. СПб., 2010; *Шиловский М.В.* Сибирские корни евразийства // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 1: Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 102–111; Он же. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008; *Ремнев А.В.* Западные истоки сибирского областничества // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли*. СПб., 1997. С. 142–156.

диалога с диалогом внутренним. В результате мы имеем дело с разнообразной проработкой той или иной темы или совокупности идей – с позиций нескольких неслиянных голосов, каждый из которых демонстрирует свое понимание истины. Бахтинская методология позволяет преодолеть однобокость монологической репрезентации реальности и напрямую связана с поиском более объективного средства познания определенной предметности. В нашем случае очевидно, что диалог «либерального» и «консервативного» обнаруживается на двух уровнях: во-первых, на уровне микродиалога – внутри изменчивого творческого наследия отдельно Ядринцева и Потанина и, во-вторых, на уровне внешней полемики между лидерами сибирского областничества по наиболее интересовавшим их вопросам. В сущности, этот конкретный диалог либерализма и консерватизма не более чем очередное подтверждение перманентно присутствующей в них диалогичности: и либерализм, и консерватизм не есть «застывшие» политико-философские образования; развиваясь, они находятся в творческом «становлении», чутко реагируя на критику и преимущества оппонента.

Сибирский патриотизм Ядринцева и Потанина явился уникальной формой практической реализации общекультурных просветительных установок областников. Одновременно он во многом имел либерально-националистическую окраску, что вообще отражает характер русского либерализма, почти сразу же принявшего постклассическую форму как более мягкую и модернизированную, отвечающую на возможную критику со стороны и охранителей, и революционных радикалов.

Н.М. Ядринцев, аналогично другим просветителям, несет в себе рационалистический оптимизм, который свойствен, на его взгляд, вообще всем выдающимся представителям русской интеллигенции (среди них наряду с либералами Т.Н. Грановским и К.Д. Кавелиным он называет и В.Г. Белинского) [2. С. 9]. В письме к Потанину от 21 октября 1873 г. Ядринцев пишет, что страх смерти породил в человечестве «утешительную веру», а у некоторых впечатлительных натур идея смерти (сегодня мы бы сказали бытие-к-смерти, в терминологии Хайдеггера, у которого смерть открывает сущность Dasein, смысл человеческого существования) доходит до мрачного кладбищенства – у Байрона, Лермонтова, монахов и аскетов [3. С. 238]. Страх смерти преодолевается, по Ядринцеву, в том, чтобы неустанно трудиться во имя «мировой идеи», в ней обретая свое бессмертие, так как человек – «атом огромного социального организма» и «ум, живущий мировой жизнью» [3. С. 239]. Таким образом, десакрализированный оптимизм Ядринцева претворяется в форму просветительного, идейного служения (с подчеркнутым пафосом жертвенности и бескорыстия) во имя своеобразно понимаемого «общего блага». Составляющие этого блага – «святые идеалы человечества» – он красочно обрисовывает в последнем произведении – речи о С.С. Шашкове, произнесенной в Барнауле в июне 1894 г. К ним причисляются стереотипные просветительные ценности: человеческие и гражданские права, эмансипация, равенство, свобода развития и образования, прогресс [3. С. 151–152]. В принципе, этот же рационалистический оптимизм и либеральную защиту свободу вести мы находим и у Потанина. В письме к В.Г. Короленко 1905 г. он сетует на

изуверство русской миссионерской деятельности: «Алтайская православная миссия распространяла Христово учение полицейскими мерами» [4. С. 74].

Линейно-прогрессистская парадигма истории – второй основной полюс сопряжения Ядринцева с философией Просветительства. Фактически им отвергаются какие-либо потуги на цивилизационную самобытность, не говоря уже об исключительности и «особом пути». «... Западная и европейская культура, – пишет он в 1891 г., – была дело общечеловеческое и мировое. *Другой нет культуры и цивилизации* (курсив наш. – И.Д.). Европейская цивилизация удовлетворяла общим человеческим стремлениям и инстинктам. <...> Начало и принципы этой цивилизации были и есть инстинктами всякого народа, но только в Европе они получили определенную формулу. Эта формула включает вообще право человека, его стремление к свободе, к развитию, к прогрессу. Отрекаться от европейской цивилизации – значит вообще отрекаться от цивилизации человеческой» [5. С. 215]. Из этой длинной и весьма важной цитаты видно, что ни о каких «больших идеях» и «сакральных ценностях», лежащих в фундаменте цивилизаций согласно философии истории цивилизационщиков, применительно к Ядринцеву не может быть и речи. По нему, есть только одна «большая идея» мировой цивилизации, олицетворяемой западноевропейской, и одна «большая цель» исторического времени – достижение гражданского преуспевания и прогресса. Всемирный идеал «цивилизации и просвещения» сибирефил конкретизирует в особого рода патриотизме, пестующем не национальное самовосхваление и альтернативность развития, а либерально-универсалистскую открытость. Этот патриотизм «не может быть консервативен, потому что никто не пожелает китайского застоя своему народу, он (здоровый патриотизм. – И.Д.) не противоречит человеческому прогрессу, просвещению, общей любви к человечеству. Можно достигнуть высокого просвещения, уважать цивилизацию – и любить свою деревню, свой очаг» [6. С. 9]. Патриотизм Ядринцева – либеральный, и он избирает либеральный идеал общественного устройства для развития и процветания дорогой ему Сибири. Ему умильно видеть Сибирь – «спящую красавицу» постепенно пробуждающейся ото сна, «не страшною ссылкой и цепей, не страшною тундр», а воплотившей в реальность грезы об «университете, железной дороге, земской управе, окружном гласном суде» [7. С. 14]. Однако ни университет, ни железная дорога, ни местное самоуправление, ни суд не превращаются у Ядринцева в самоцель, костеня в формально-институциональных рамках. Они неперемненные индикаторы, но не исчерпывающие столпы зрелого состояния общества, приобщившегося к достижениям свободной цивилизации. Подлинная либеральная цель – это всестороннее осуществление прав личности, свободная реализация человеческого потенциала на путях личностной активности и самостоятельности, личностного самосознания. От достижения этой цели и зависит пробуждение и развитие Сибири, т.е. для Ядринцева недостаточно, чтобы метрополия обратила бы, вдруг, внимание на провинциальное захолустье и с барского плеча подарила бы окраине ряд институтов и свобод; в сущности, наиважнейшая задача – это развитие человеческого потенциала Сибири, гражданского об-

щества, общественного самосознания, на базе которого только и можно преодолеть вековую сибирскую маргинальность.

Потанин также отказывается определять сибирский патриотизм только негативно, т.е. как временную реакцию на конкретно стоящие перед Сибирью проблемы. Он выделил пять основных сибирских областных вопросов, вокруг которых и складывалось сибирефильство. Из них первые три – краеугольные: ссылка в Сибирь, экономическая зависимость от Москвы, абсентеизм молодежи. Кроме того, есть еще два дополнительных – переселенческий и инородческий [8. С. 41]. Однако сибирский патриотизм требует положительного определения, выходящего за рамки решения каких бы то ни было насущных вопросов. Положительно он определяется только в том случае, если в нем признается культурный сепаратизм, областная центробежная сила, являющаяся маркером самоосвобождения сибирского общества, раскрепощения его самостоятельной энергии. Материальный и духовный прогресс окраин возможен лишь на пути регионализации, главным условием которой Потанин называет «учреждение областных дум с передачей им распоряжения местными финансами» [8. С. 62]. Так, от сепаратистской горячки 1860-х гг. Потанин приводит сибирское областничество в начале XX в. к концептуально сформулированному регионализму, предусматривающему автономию и местное самоуправление Сибири как обладающего неотъемлемыми правами региона единой России. В сибирском регионализме Потанина либеральный национализм Ядринцева получил свое завершение. В нем отразилась национализация классического либерализма, доктринально не признававшего особенную важность национальных и культурных прав не только меньшинств и каких-либо местных, региональных групп, но и «больших наций» тоже. По большому счету, философский номинализм классических либералов признавал реально существующим только отдельного индивида (для которого идентичность региональная и национальная – второстепенна, он – космополит, «где хорошо, там и отечество»), тогда как либеральная постклассика подтянула этого индивида-атома до уровня осознания необходимости признания *групповых* интересов и идентификационных матриц. В этом заключался один из консервативных привоев к либерализму областников.

В то же время у Потанина, главным образом позднего, содержится солидный протоконсервативный заряд, создающий существенный водораздел между ним и Ядринцевым в области историософии. Философия истории Н.М. Ядринцева страдает прогрессистским монизмом и, следовательно, проистекающим из него редукционизмом. Понимание мировой истории как единого процесса постепенного прогресса европейской цивилизации заставляет все части пестрой мозаики не-Запада безостановочно догонять объявляемую мировой западную цивилизацию. Если Ядринцев призывает осуществить генетически западный либеральный идеал общественного устройства в «своем месте», то Потанин рисует отчасти альтернативную картину, близкую уже к консервативно-почвенническому сценарию, своеобразному культурному полиморфизму. «Правильнее та мысль, что цивилизация нивелирует народы только во внешней культуре и то, может быть, только в известной степени, но в области духа ведет к расхождению типов; цивилизация дает выход наружу

скрытым богатствам народного духа» [9. С. 57]. Исходя из интуиции о многообразии культурно-цивилизационных миров, Потанин в итоге реализует сибирский вариант евразийства, а вместе с ним и его регионализм приобретает евразийский оттенок. К такому мнению, в частности, приходит современный исследователь С.В. Селиверстов, находя своеобразие потанинского мировоззрения в том, что это «практическое, жизненное русско-сибирское, русско-казахское, русско-монгольское евразийство» [10. С. 113]. Основания для отнесения Потанина если не к консервативному евразийству, то к специфической форме предевразийства действительно немалые. В первую очередь стоит отметить в свое время не принятую либеральной научной общественностью «восточную гипотезу» Потанина, выдвинутую им по результатам сравнительных исследований западного и восточного эпоса. Сибирефил не только установил факт неразрывного культурно-исторического единства сюжетов и мотивов западного и восточного фольклора, но и выступил со смелым заявлением о преимущественном культурно-художественном влиянии Востока на Запад, чем полностью рушил привычные евроцентристские схемы. Непредвзятому взгляду на так называемые «варварские» степные народы мешают, согласно Потанину, «карийское высокомерие» и «ложная историческая перспектива» [11. С. 856]. Помимо этого, интеллектуальный портрет Потанина-евразийца вписывается в такую значимую черту послереволюционного евразийства, как «редукция культуры, ее низведение в ряд органических категорий, забвение ее творческой и духовной сути» [12. С. 129]. Касательно Потанина как яркого ученого-эмпирика элиминация исторического и его подмена органическим в философии истории и культуры более чем показательны в рассуждениях областника об определяющем влиянии климата и в целом физико-географических условий местности на культуру человека [9. С. 53–56].

Переходя к социально-онтологическим идеям областников, мы должны вначале остановиться на Ядринцеве, поскольку именно в его работах по осмыслению взаимоотношений в диаде «личность – общество» отчетливо выступают элементы микродиалога либерализма и консерватизма в бахтинском значении этого понятия. В своей книге «Русская община в тюрьме и ссылке» социально-философские выводы, сделанные на материале тюремно-исправительной сферы, Ядринцев по большому счету экстраполирует на все общество. Заявляя желание внести самобытный вклад в «сокровищницу мировой науки» относительно русской тюремной общины, он находится под сильным влиянием новейших европейских теорий, далеко не самобытно, заимствованно, подражательно, ссылаясь на позитивистов-либералов Г. Спенсера и И. Бентама. Таким образом, у Ядринцева получается следующее. С одной стороны, он противопоставляет «дарвиновскому закону» исторический опыт русской тюремной общины: «Естественное влечение людей друг к другу, взаимная помощь и поддержка не пропадают ни в какой группе людей, как бы она ни была несовершенна, как бы низко ни было ее падение. Это сознание взаимной связи, это взаимное влечение составляют такое свойство человеческой природы, такой глубокий закон человеческой жизни, который проникает всю историю, всю цивилизацию народов» [13. С. 719]. Тут выступает явный гуманистический (идеалистический) пафос солидарности, свя-

занный с критикой одностороннего индивидуализма. «Если бы один холодный расчет поддерживал общежитие людей, – поясняет свою мысль Ядринцев, – то не мог бы заменить ту теплоту любви, которая, как теплота солнца, разлитая среди народов, согревает жизнь и придает ей необыкновенную прелесть» [13. С. 699].

С другой стороны, чтобы «возбудить» в человеке «любовь к ближнему» и симпатические чувства, Ядринцев предлагает абсолютно не идеалистический и в основе своей даже антигуманистический утилитаризм бентамовского и спенсеровского типа. Он разделяет мысль о связывании общества посредством личной выгоды и пользы от общежития: «общие выгоды заключают в себе всегда и наши личные выгоды». К предтечам этой социальной философии он относит, понятное дело, А. Смита и Дж. С. Милля. Вот его характерная рекомендация, исходя из утилитаристского посыла: «... При первом шаге рационального воспитания необходимо прежде всего возбудить практически сознание выгод взаимной помощи и уступок для каждой личности... Нам легче любить людей, когда мы видим выгоды от этой любви; нетрудно заметить, что историческому развитию благожелательных мотивов содействовало много то, что люди получали в большей части случаев удовольствия от общежития и выгоды от взаимной помощи» [13. С. 707]. Механизм формирования нравственности буквально выводится Ядринцевым из спенсеровского эмпиризма. Нравственные чувства, подобно всем душевным возбуждениям, – продукт данных опыта. Отсюда он и заключает, что практическое воспитание должно состоять в «применении такой общественной дисциплины и в установлении такого порядка жизни, которые бы вполне вели к наиболее совершенной нравственной выработке личности и образованию разумных социальных отношений» [13. С. 706]. Однако Ядринцев в указании «разумных социальных отношений» не останавливается на утилитаристской максиме «наибольшего счастья наибольшего числа людей», а претендует на большее. Как это ни парадоксально, но в противоречии с протоматериалистическим и позитивистским инструментарием формирования морали он выходит на идеалистический морализм: «... Возбуждение личных интересов и приведение их к солидарности с общественными должно положить первый мост, приближающий нас к принципам человеческой нравственности; *из мотивов корыстных последует уже развитие других нравственных мотивов, более чистых и бескорыстных* (курсив наш. – И.Д.)» [13. С. 707]. Результат – очевидный идейный эклектизм. В самом деле, как можно ожидать развития «более чистых и бескорыстных» нравственных запросов, если с самого начала моральный поступок совершается потому, что он отвечает критериям полезности, понимаемой как минимизация страданий, определяемая суверенным субъектом при помощи чувственного опыта? Героические подвиги духа, выражающие более рафинированную нравственность, и возможны в лоне очищенного от утилитаристских напластований источника. Поэтому-то высокая мораль и репрезентируется в антиэвдемонистической этике, отделяющей счастье (полезность, успех, удовольствие) от морали, будь то рационалистический антиэвдемонизм И. Канта с его абсолютным нравственным законом или христианский антиэвдемонизм Ф.М. Достоевского и В.С. Со-

ловьева с их сверхрациональным представлением о нравственном совершенстве – идеалом Богочеловека. По всей видимости, позитивистские и вульгарно-либеральные послы не позволяют Ядринцеву дойти до ясного и прямого высказывания идеи о наличии неких сверхрациональных и сверхопытных оснований морального поведения личности внутри обуславливающего ее общества – то, с чем без проблем справляются русские философы, обосновывающие в своих учениях константы онтологизма. Он будто бы зашорен либеральными авторитетами «передовой» европейской науки и философии, и, внешне сясь к самобытно-национальной рефлексии, на самом деле повторяет модные западноевропейские клише его времени, прибегая к незавидной доле русского европейничанья (подражательного западничества).

Рационалистическим утопизмом отличаются также взгляды Ядринцева на русскую крестьянскую общину в Сибири. Можно предположить, что консервативная критика антисоциальных ориентаций либерализма сродни внутренней самокритике Ядринцева, произведенной в русле постклассического либерализма. Как представитель либеральной постклассики он в воззрениях на местную общину придерживается уже скорректированных либеральных представлений, отводя ей как форме положительной коммунальности громадную роль в будущем развитии общества (но, разумеется, не по подобию почвеннической мифологии «соборности»). Он отчасти соглашается с критиками «индивидуалистического промышленного духа» сибирского населения, в котором преобладают подавляющие все остальные устремления материальные интересы, безудержная эгоистическая тяга к материальному обогащению и при этом нет никаких признаков ни религиозно-метафизического, ни общественного идеала. Но удручающие симптомы индивидуалистической бездуховности для него не столь пагубны. Имея перед собой пример стремительно развивающегося американского общества, Ядринцев рассматривает индивидуализацию как преходящее и необходимое явление. «Развитие индивидуальных страстей и промышленный характер следует за периодом опеки и феодализма, когда жизнь масс имела более экономического равенства, но в то же время была более подавлена. <...> Этот период продолжается до тех пор, пока не выступят у народов вновь социальные общественные интересы и не образуется утерянная связь и солидарность» [14. С. 119]. После промежутка индивидуалистической выучки русская крестьянская община за Уралом, со слов Ядринцева, сложится уже окончательно, тем самым достигнув солидарности с опорой на образованную и ответственную личность. Конечно, это не более чем наивная просветительская вера в торжество естественно-исторических законов – солидарность или братство нельзя насадить, рационально высчитать, как блестяще выразился Достоевский, «надо, чтоб оно само собой сделалось, чтоб оно было в натуре, бессознательно в природе всего племени заключалось, одним словом: чтоб было братское, любящее начало – надо любить» [15. С. 429]. Там же, где нет естественных предпосылок коммюнитарности, где долгое время господствует неограниченный эгоистический индивидуализм, вряд ли приходится ожидать постепенного складывания общины.

Проблемы общины и коллективистского духа общества стали еще одним важнейшим направлением внешнего диалога «либерального» и «консервативного» в сибирском областничестве. Потанин в данном случае яв-

но более резкий критик и последовательный противник индивидуализма. Пребывая в восхищении от Уральской казачьей общины – «замечательного создания руссконародного социализма», «самого консервативного общежития на Руси», он страстно надеется на кристаллизацию такой же социальной формы в Сибири, правда в отдаленном будущем [9. С. 82]. Ему абсолютно не импонирует сибирский крестьянин-индивидуалист. Задача общины как раз и состоит в том, чтобы устранить главное условие для появления капиталистических парвеню – само наличие конъюнктуры, выгодной для отдельных лиц. В этом антибуржуазном пассаже Потанина неспроста перекрещиваются смысловые поля «социализма» и «консерватизма». В русской философии связь консерватизма, понимаемого как приверженность неким абсолютным, высшим ценностям, и социализма, феноменализирующего консервативные принципы на пути устранения антагонизма свободы и справедливости, едва ли не более сильная, чем связь первого с практически деонтологизированным либерализмом. Так, вполне типично, что многие русские философы на рубеже XIX–XX вв. переходят от марксистского, радикально-освободительного энтузиазма к энтузиазму религиозно-духовному (С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Л.А. Тихомиров и др.).

Еще в письме Ядринцеву в середине 1870-х гг. Потанин указывает на мировое значение Сибири – продемонстрировать успешный пример перехода «от общинного землевладения к общинному хозяйству» [16. С. 120]. Для этого нужно развивать крестьянскую массу, чтобы она осознала потребность «общинного хозяйства». В этом смысле Сибирь, по Потанину, – благодатная почва, ведь община здесь еще не дошла до переделов и вообще существует преимущественно «в абстракте». Как мы видим, Потанин выражает серьезный скепсис в отношении позитивного влияния периода индивидуализации на дальнейшее развитие социальных связей. В самом деле, потенциальному ядринцевскому «братству» вряд ли отвечают такие эндогенные свойства оправдываемого им либерального индивидуализма, как прагматический субъективизм рвущихся к успеху «деловых» индивидов, устойчивое «отверждение» или «материализация» мира (в терминологии Р. Генона ведущее от изначальной традиционной духовности к распаду механизированного окружающего мира).

Таким образом, диалог либеральных и консервативных идей в творческом наследии Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина обнаруживает динамическую и внутренне противоречивую природу сибирского областничества. Вследствие двухуровневого диалога, вбирающего в себя микродиалог и внешний диалог лидеров сибирского областничества, Ядринцев так или иначе приходит к историософскому монизму и либерально-позитивистской социальной онтологии, а Потанин – к культурному релятивизму и антииндивидуалистической социальной теории предконсервативного типа.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского; Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари, 2002. 799 с.

2. Ядринцев Н.М. К.Д. Кавелин. Некролог // Восточное обозрение. 1885. № 19. С. 9–10.
3. Литературное наследство Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1980. 408 с.
4. Потанин Г.Н. Письмо В.Г. Короленко от 5 января 1905 г. (Томск) // Письма Г.Н. Потанина. Т. 5 / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. С. 73–76.
5. Литературное наследство Сибири. Т. 4: Н.М. Ядринцев / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1979. 352 с.
6. Ядринцев Н.М. В чужих краях (Письма и впечатления сибиряка) // Восточное обозрение. 1890. № 38. С. 8–10.
7. Ядринцев Н.М. Спящая красавица (Фельетон) // Восточное обозрение. 1882. № 6. С. 13–14.
8. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
9. Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина: избранные статьи и биографический очерк / предисл. В. Сапожникова; биогр. очерк А.В. Адрианова. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1915. XXXI, 113 с.
10. Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ТГУ. 2007. № 300-1. С. 107–115.
11. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1899. 894 с.
12. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. 477 с.
13. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1872. 720 с.
14. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892.
15. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 3.
16. Потанин Г.Н. Письмо Н.М. Ядринцеву от 29 июня 1874 г. (Никольск) // Письма Г.Н. Потанина. Т. 2 / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 119–120.

Demin Ivan V. I.I. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation)

N.M. YADRINTSEV AND G.N. POTANIN: THE LIBERALISM-CONSERVATISM DIALOGUE IN THE SIBERIAN OBLASTNICHESTVO

Keywords: Siberian regionalist movement (oblastnichestvo), dialogue, liberalism, conservatism, Eurasian regionalism

The historical works on the Siberian oblastnichestvo have been greatly enlarged in recent years by philosophical reflection concerning studying of main socio-philosophical and cultural-philosophical ideas of Siberian oblastniki. This article presents an attempt to analyze the existing liberal-conservative divide in the Siberian regionalist movement (using primary materials connected with the intellectual heritage of the Siberian oblastnichestvo's leaders – N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin) on the basis of Bakhtinian dialogism. For M.M. Bakhtin, truth of being can't be adequately perceived in a monological way; truth needs to be explicated by means of a dialogue that creates the "polyphony" of mutually addressed and contradictory voices. According to such methodology the analysis was carried out on two interrelated levels – on the one hand, microdialogue within the philosophy of each thinker separately and, on the other hand, external dialogue between Yadrintsev and Potanin. In spite of evident similarities arising from sameness of philosophical origins (their Siberian patriotism was a unique embodiment of the enlightener purposes and simultaneously had an accented liberal-nationalist character), the trajectories of Yadrintsev's, and Potanin's philosophical thought essentially diverge in some aspects. First, if Yadrintsev's philosophy of history is subject to progressist monism leading him actually to liberal eurocentrism, Potanin in his turn comes to Eurasian regionalism that is firmly rooted in the conception of cultural relativism. As for the problems of social ontology, the researcher also found out considerable divergences between two thinkers. It is specified that Yadrintsev's social theory has been affected by positivism and utilitarianism. As a consequence, he justifies liberal individualism, although the conservative voice of his microdialogue insists on the necessity of communitarian values in Russian peasant community. Trying to solve this conflict, Yadrintsev demonstrates a utopian sce-

nario according to which the spirit of solidarity and ethical motives of “common good” could be actualized after the negative period of individualization and power of selfish interests. On the contrary Potanin, sharply criticizing the private practices of capitalist arrivistes, finally establishes an anti-individualist social theory of initially conservative type.

References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works. In 7 vols.]. Moscow: Russkie slovari Publ., 2002, vol. 6, 799 p.
2. Yadrintsev N.M. K.D. Kavelin. Nekrolog [K.D. Kavelin. An Obituary]. *Vostochnoe obozrenie*, 1885, no. 19, pp. 9–10.
3. Yanovskiy N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980, vol. 5, 408 p.
4. Potanin G.N. *Pis'ma G.N. Potanina* [G.N. Potanin's letters]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1991, vol. 5, pp. 73–76.
5. Yanovskiy N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979, vol. 4, 352 p.
6. Yadrintsev N.M. V chuzhikh krayakh (Pis'ma i vpechatleniya sibir'yaka) [In foreign lands (Letters and impressions of a Siberian)]. *Vostochnoe obozrenie*, 1890, no. 38, pp. 8–10.
7. Yadrintsev N.M. *Spyashchaya krasavitsa (Fel'eton)* [The Sleeping Beauty (A Sketch)]. *Vostochnoe obozrenie*, 1882, no. 6, pp. 13–14.
8. Potanin G.N. *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Oblastnichestvo in Siberia]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela Publ., 1907. 64 p.
9. *Sbornik k 80-letiyu dnya rozhdeniya Grigoriya Nikolaevicha Potanina: izbrannye stat'i i biograficheskoy ocherk* [The Collection of the 80th anniversary of the birth of Grigory Potanin: selected articles and a biographical essay]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela Publ., 1915. 113 p.
10. Seliverstov S.V. G.N. Potanin: siberian oblastnichestvo between “zapadnichestvo” and “evrazijskvo” (the late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 300-1, pp. 107–115. (In Russian).
11. Potanin G.N. *Vostochnye motivy v srednevekovom evropeyskom epose* [Oriental motifs in medieval European epic]. Moscow: I.N. Kushnerev i K Publ., 1899. 894 p.
12. Khoruzhiy S.S. *O starom i novom* [On the old and the new]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2000. 477 p.
13. Yadrintsev N.M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian community in prison and exile]. St. Petersburg: A. Morigerovskiy Publ., 1872. 720 p.
14. Yadrintsev N.M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in the geographical, ethnographical and historical terms]. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov Publ., 1892.
15. Dostoevskiy F.M. *Sobranie sochineniy v 15 t.* [Collected works in 15 vols.] Leningrad: Nauka Publ., 1989, vol. 4, 783 p.
16. Potanin G.N. *Pis'ma G.N. Potanina* [G.N. Potanin's letters]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1988, vol. 2, pp. 119–120.